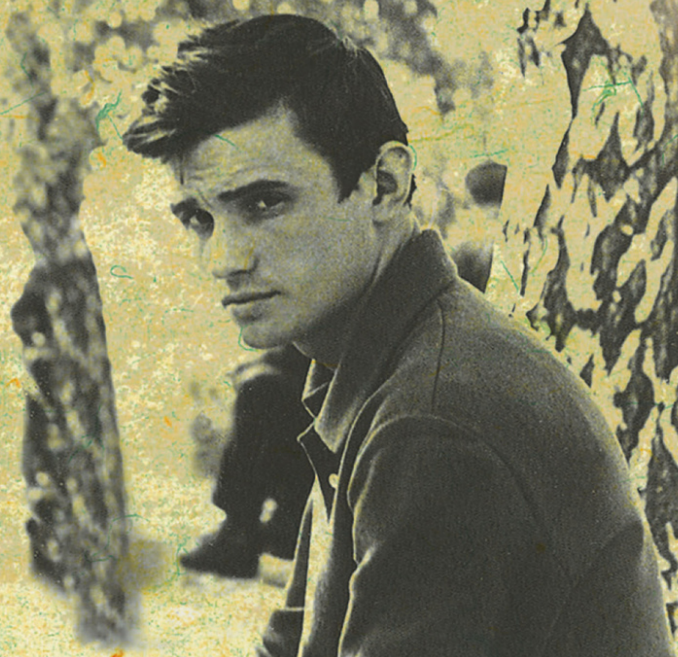

Военные 1967
Мемуары 1997

Полковник
А.А. Вдовин

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО КОНТРАЗВЕДЧИКА

Военные мемуары (Вече)

Александр Вдовин

**Воспоминания военного
контрразведчика**

«ВЕЧЕ»

2017

Вдовин А. А.

Воспоминания военного контрразведчика / А. А. Вдовин —
«ВЕЧЕ», 2017 — (Военные мемуары (Вече))

ISBN 978-5-4484-7970-0

В своих мемуарах А.А. Вдовин вспоминает о службе в военной разведке КГБ СССР, о своих наставниках и учителях, делится мыслями о жизни в СССР, рассказывает о борьбе со шпионажем, интересных фактах из истории советских спецслужб. Искренность и простота изложения деталей службы, несомненно, вызовут интерес у широкого круга читателей. Вдовин Александр Александрович – полковник органов государственной безопасности в отставке. Проходил службу в подразделениях КГБ СССР с 1967 по 1997 г. В соавторстве с А.С. Терещенко издал книги «Император ГРУ», «Из „СМЕРШа“ в ГРУ». Автор книги «Традиции застолья, или Алаверды по-русски».

ISBN 978-5-4484-7970-0

© Вдовин А. А., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Предисловие	6
О книге А.А. Вдовина «Воспоминания военного контрразведчика»	7
Часть первая	8
Казачьи и калужские корни	9
Лось – моя малая родина	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Александрович Вдовин

Воспоминания военного контрразведчика

© Вдовин А.А., 2017

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Предисловие

Книга написана Александром Александровичем Вдовиным – бывшим сотрудником 2-го отделения 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ СССР. Данная книга является автобиографическим очерком. Автор отдает дань своим руководителям, которые приняли его во второе отделение, обучили сложной профессии и воспитали в любви к Родине.

А.А. Вдовин делится воспоминаниями о тонкостях службы, о сложностях взаимоотношений внутри КГБ, среди сотрудников одного подразделения и между службами, о психологическом портрете разрабатываемого преступника и излагает свой особый взгляд на предателей, действовавших в структуре ГРУ, и о многом другом, что составляет суть службы контрразведки. Нервом книги, несомненно, являются размышления о предательстве как о страшном человеческом горе, позоре коллектива подразделения спецслужбы, где окопался предатель, и подлом ударе по авторитету страны.

Автор рассуждает о профессии чекиста-агентуриста. О чекистском счастье, когда удастся попасть на службу в оперативно-горячую атмосферу, где сосредоточены основные секреты армии, и новоиспеченному контрразведчику может повезти – «Филби, Эймсы, Ховарды» «дадут» шпиона, а руководители и соратники из вспомогательных служб КГБ и соратники отдела помогут его разоблачить.

Автобиографический очерк в определенной мере обогатит представления читателя о прошлом нашей страны, великой державы – СССР.

А.А. Вдовин искренне благодарен соратнику по службе в КГБ и другу по жизни Анатолию Степановичу Терещенко, члену Союза писателей России, члену Союза журналистов России, за предоставленные материалы и советы по написанию книги, а также Ирине Владимировне Дегтяревой, члену Союза писателей России, члену Союза журналистов Москвы, за конкретную и огромную помощь в написании книги.

О книге А.А. Вдовина «Воспоминания военного контрразведчика»

В современной России служба госбезопасности обросла толстым слоем мифологии. Существует множество мнений, иногда граничащих с теориями заговора, о деятельности КГБ. Тот факт, что действующий Президент РФ неоднократно заявлял о своей причастности к этой службе, подливает еще больше масла в неугасаемый огонь общественного интереса к этой теме.

Приподнять занавес тайны отваживается А.А. Вдовин, в свое время служивший в ЧК. В автобиографической книге «Воспоминания военного контрразведчика» Вдовин представляет читателям информацию о природе КГБ «из первых рук», раскрывая общественности не только сведения о деятельности комитета госбезопасности, но и причины, побуждавшие советских офицеров идти на службу в «органы».

Структурно книга делится на несколько частей, отличающиеся друг от друга как по содержанию, так и по стилю. В первой части автор делится воспоминаниями о своей жизни. Он выстраивает историю взросления советского ребенка и становления его в качестве мужчины, выбравшего для себя нелегкий путь военного офицера, волею судьбы ставшего впоследствии военным контрразведчиком. Судьба человека органично вплетена в контекст и без того весьма интересной атмосферы жизни советского общества в послевоенный период.

Вторая часть целиком посвящена истории советской военной разведки. Вдовин приводит фактологическую базу, оставляя право на оценочные суждения читателям. В заключительной части книги бывший чекист рассказывает о разоблачении агента «Этьена», в которой принимал непосредственное участие. Материал этой части позволяет лучше понять специфику работы органов госбезопасности.

Книга написана простым и понятным языком, доступным для рядового читателя, обладающего основными знаниями об истории СССР. Усвоению текста несколько мешает разве что избыток канцеляризма и несколько «казенный» слог, пусть и ожидаемый в подобном произведении. Однако указанные недостатки являются скорее препятствием, нежели непреодолимой преградой к усвоению текста, и читатель, заинтересованный поднимаемыми Вдовиным темами, не остается разочарованным.

Несомненным достоинством книги является честный, откровенный ответ на вопрос: «Что такое КГБ?», полученный не от историков или политтехнологов, а от человека, знающего всю «кухню» этой службы не понаслышке, от непосредственного участника сражений на невидимом фронте. За эту честность можно простить книге немногочисленные огрехи вроде стилистической неоднородности частей книги и чуть меньшего, чем они того заслуживают, внимания к фактам. Перед нами произведение, подталкивающее нас к размышлениям на тему «органов», их целей и методов. Вдовин не пытается заставить нас принять какую-то определенную точку зрения, а скорее дает пищу для размышлений, советует не торопиться с выводами и призывает к медленному, вдумчивому осмыслению предоставляемого материала. Поэтому книгу можно смело рекомендовать самому широкому кругу читателей, интересующихся историей своей страны.

*Дмитрий Родионов
русский поэт*

*Без гнева и пристрастия.
Тацит. Анналы*

Часть первая

О времени и о себе, об учителях и соратниках

Перелистывая свою биографию, как тетрадь, страницу за страницей, год за годом, я возвращаюсь в прошлое, испытывая два чувства: сожаление и грусть об ушедшей молодости. И в то же время я благодарю судьбу за то, что было прекрасное далеко, полное надежд, радости и тревог от службы, общения и встреч со своими соратниками – особистами периферии и центрального аппарата, слушателями школы КГБ № 311 города Новосибирска, с военными разведчиками, с военными учеными, со слушателями Высшей Краснознаменной школы КГБ имени Ф.Э. Дзержинского, моими современниками – талантливыми, деятельными, энергичными людьми.

Я проходил школу гражданского воспитания и всегда, в детстве, отрочестве, юности и зрелом возрасте, мне встречались отзывчивые и открытые, терпеливые и умные люди, мои учителя и наставники. Я помню их всех – молодых и зрелых, умудренных опытом, помню их советы, жесты, улыбки, походки. И когда говорят: «Он сделал себя сам», в этом всегда присутствует, на мой взгляд, некоторое преувеличение, даже лукавство. Ведь нас больше всего формируют среда и люди, которые идут с нами по жизни. И формирование происходит в борьбе, видимой или невидимой. Я не отвергаю выражение-установку – судьба и воля. Судьба определена Космосом, а волевыми решениями мы пытаемся или согласиться с судьбой, или пойти ей наперекор. В любом случае наши судьбы формируют вместе с нами среда и люди, иногда как бы случайные, чаще соратники, сподвижники или противники – подхалимы, псевдодрузья, откровенные или скрытые завистники и т. п.

Казачьи и калужские корни

Мой отец Александр Федорович Вдовин родился 28 августа 1907 года в казацкой крестьянской семье в Краснодарском крае, Усть-Лабинском районе, на хуторе Александровском. Его отец погиб в начале Первой мировой войны, и воспитанием детей занимался отчим. Его жесткая методика воспитания передалась и моему отцу.

Хутор Александровский расположен на берегу реки Зеленчук широкой и глубокой, полной рыбы, камышей, островов. Река впадает в Кубань. Отец, вспоминая свое детство, рассказывал, что на спор переплывал Зеленчук, любил ловить рыбу, владел джигитовкой и ходил в ночное. По натуре он был лидером, что приветствовалось в среде казаков. Он хорошо пел, плясал, обладал каллиграфическим почерком, который сохранился до самой старости. У него был абсолютный музыкальный слух, отец хорошо играл на гитаре, и к нему часто в барак приходили музыканты с просьбой настроить их музыкальные инструменты. Своего учителя – Василия Ивановича Черкашина вспоминал до старости, переписывался с ним долгие годы. С детьми Черкашина, которые переехали в Москву после войны, он периодически встречался.

С 1919 по 1924 год отец работал по найму. В 1924 году вступил в комсомол и гордился, что был в числе первых комсомольцев Кубани, демонстрируя статью из газеты о деятельности комсомольской организации Усть-Лабинского района. В статье перечислялись все комсомольцы, в том числе и Александр Вдовин, подвергшиеся проклятию местной церкви. Отец долго хранил эту газету, но мне не передал. Если учесть антиказацкую политику Троцкого во время Гражданской войны и в первые годы советской власти, то отцу было чем гордиться, так как он был среди первых строителей новой жизни на Кубани.

С 1925 по 1930 год работал почтальоном на хуторе и в городе Краснодаре. В 1930 году его призвали в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. После курса молодого бойца отца, как образованного (семь классов) красноармейца, послали учиться в армейскую школу медработников. В конце 1932 года демобилизовали.

В 1933 году он приехал в Москву и работал в тресте Москультстрой, в мае этого же года в числе двух тысяч комсомольцев его направили на строительство метро. В шахте проработал недолго, через восемь месяцев отца назначили директором бараков на станции Лось.

В 1936 году, окончив курсы, он работал машинистом мотовоза на станции Лосиноостровская. Здесь находился крупный железнодорожный узел. Во время войны на всех железнодорожников распространялась бронь, и поэтому он не воевал. Спустя год отец стал работать машинистом подъемного крана, а в 1952 году по состоянию здоровья его перевели на легкую должность поездного контролера, где он проработал до 1960 года. С этого года и до пенсии был багажным раздатчиком.

Отец запомнился мне настойчивым, решительным, достаточно речистым, физически сильным человеком и отчаянно смелым. Держал себя независимо, хотя со всеми был уважителен и всегда помогал людям по любым вопросам: писал письма неграмотным, строил сараи соседям и многое другое.

Перед войной ночью в район Лосиноостровского леса был сброшен с самолета немецкий диверсант. По расчету милиции – якобы в район лесничества. Отец, в числе немногих мужиков из двух бараков, смело взял топор и пошел обезвреживать его. Под командованием милиционера они быстро обнаружили парашют, а вскоре и диверсанта. Обезоружили его, скрутили руки и доставили в отделение милиции. Этот эпизод долго обсуждался и после войны жителями поселка Лось.

Отец мог ночью вскочить на ступеньку вагона движущегося товарного поезда с бревнами, сбросить бревна с вагона ближе к станции Лось, притащить их к барaku, а потом сделать из них

качели для детворы. Кто были его помощники в хищении бревен, я не знаю, но качели никогда не пустовали, даже зимой, около них всегда стояла очередь из детворы и взрослых.

После войны рядом с бараками нам разрешили иметь огороды для посадки картошки и других овощей. Жители стали замечать пропажу овощей с грядок. Отец не побоялся ночью выследить вора, поймал и сдал его в милицию.

По сегодняшним меркам он имел слабое образование, но смело брался за любые технические, столярные и плотницкие работы. Вся мебель в доме была сделана им; сараи, которые сперва разрешали строить, а спустя год-два сносили, а затем вновь разрешали строить уже в новом месте, делал сам. Летом периодически перетягивал все матрасы, так как пружины предательски могли вонзиться в тело. Эту операцию он проделывал ловко и быстро. Ко всем домашним работам обязательно привлекал меня. Толку я приносил мало, подавал инструмент, гвозди, что-то придерживал или выпрямлял кривые гвозди, но, главное, наглядно видел, что мужчина должен делать в доме.

Отец никогда за словом в карман не лез, всегда находил веские аргументы, чтобы доказать правоту своей позиции, и в бараке пользовался авторитетом. Дома же нам часто декламировал отрывки из стихотворений Пушкина, Некрасова, Ершова и других русских поэтов, при этом часто вспоминал своего школьного учителя Кривошеина.

За провинности наказывал меня частенько. Я знал, что такое ременная «каша», березовая «каша», стояние на коленях на всех видах круп, гороха (что ему под руку попадалось) и на ребристых, острых поленьях. Отец раздражался, что я не просил никогда прощения, это приводило его в неистовство. Очень хотел узнать, почему я так поступаю, но так ему и не довелось узнать. А для меня было очевидно: раз виноват, значит, должен понести наказание, а если не виноват и все равно наказывают, тогда зачем просить прощения за несодеянное? Поскольку я не просил прощения, то стоял на коленях до обморока. Во время наказаний я редко плакал, что тоже раздражало отца. Но сказать, что я совсем не плакал, нельзя, ревел, и очень громко. При этом кусался, дерзил от бессилия, и это еще более усугубляло мое положение. Но если большие парни или молодые мужики вдруг обижали меня, отец смело давал им сдачи и всегда выходил из этих боев победителем.

В отличие от отца, мама меня никогда не наказывала. За провинности корила, стыдила, увещевала, просила больше так не поступать.

Любовь отца ко мне проявлялась не только в драках из-за меня. В детстве были в моде тарантасы (салазки, сделанные из железного прута, для катания по снегу), и в бараке имели их я и еще один мальчик. В доме всегда был деревянный чижик и лапта к нему, а потом и городки, самокат. Когда я стал заниматься баскетболом, отец купил мне китайские кеды, прочные и долговечные. Коньки и велосипед он приобрел, несмотря на финансовые трудности. Но венцом его любви и справедливости по отношению ко мне стала отправка соседского кота Барсика «в командировку» по железной дороге.

Летом я должен был нарвать полмешка травы птичий горец для нашего поросенка. А в пять – семь лет я обязан был еще и пасти пятнадцать – двадцать штук цыплят, которые гуляли в ограде на улице. К цыплятам имел огромный интерес соседский кот Барсик. Если я отвлекался, то он хватал цыпленка и был таков. Я вел беспощадную борьбу с Барсиком, бил его камнями, палками, но он не обращал на это внимания. Зато на это обращала внимание его хозяйка тетя Таня-хохлушка, которая постоянно жаловалась отцу, и тот жестко наказывал меня ремнем или подзатыльником. Отец знал, что я виноват наполовину. Вина моя и Барсика подсчитывалась осенью, счет был не в мою пользу. Прodelки Барсика закончились для него и меня после того, как отец отправил его в мешке в товарняке в далекое путешествие по железной дороге.

Отец привил мне любовь к шашкам. Мы часто с ним играли, и он всегда выигрывал, причем с запираанием одной или даже трех шашек. Это не было обучением, скорее шашечным избиением. У отца не было педагогических качеств, он не мог мне рассказать как оценивать

шашечную позицию, какие и как занимать сильные поля и т. д. Уже, будучи чекистом, я протудировал книгу заслуженного тренера СССР А. Сидлина «Как оценивать позицию в шашках». После этого победы в шашках оставались за мной.

Я благодарен отцу и за то, что привил любовь к чтению. Детские книги он приносил домой из библиотеки. Сказки и басни Крылова читал вслух, на разные голоса, характерные героям, и часто мы разыгрывали басни по ролям. Отец покупал много новых книг, и у нас собралась приличная для того времени библиотека, которую он продал, чтобы сыграть свадьбы моим сестрам. Книги потом снова покупали.

В доме всегда стояла бутылка водки, но один отец не пил даже по праздникам. Если приезжали родственники или друзья, то он говорил: «Казак должен продать последнюю рубашку, но гостя напоить». Этот закон он свято выполнял. Когда собирались в доме гости, то пели песни, запевадой был отец. Звучали больше казацкие песни или народные, но обязательно удалые, реже современные, того времени. Украинские песни он не любил из-за приторности и отсутствия удали. Ради гостей он мог занять в долг деньги, во всех остальных случаях семья никогда не жила в долг. По этому закону живу и я с женой.

Через книги у меня возникла потребность к познанию мира. Она сохраняется и по сей день.

Отец ушел из жизни на восемьдесят первом году жизни, после тяжелой болезни.

Из многочисленной отцовой родни хочется выделить его старшего брата Андрея, заживо сгоревшего в танке на Курской дуге во время Великой Отечественной войны. Бой этот описан в художественной литературе, когда сошлись тысячи танков в районе Прохоровки.

Старшая сестра отца Фрося была красной партизанкой во время Гражданской и Великой Отечественной войн. Во время Гражданской попадала в плен. Белые офицеры подвергали ее избиениям и надругательствам.

Его младший брат Василий войну прошел в штрафном батальоне. Он участвовал в кавалерийских походах в тыл противника для уничтожения слабо вооруженных малочисленных немецких гарнизонов. За эти походы награжден орденом Красной Звезды. В 1945 году под Кенигсбергом (Калининградом) Василий по нужде забрел в поле ржи и услышал передвижение немецких войск по дну огромного и длинного оврага. Своевременно доложил о происходящем, и командование приняло решение станковыми пулеметами организовать стрельбу по голове и хвосту немецкой колонны, тем самым вызвав панику у немцев, и потом добивать обезумевших солдат противника. За этот бой Василия наградили вторым орденом Красной Звезды.

В боях за Кенигсберг он был первым номером пулемета, его ранило в оба предплечья, в голову и сильно контузило, он потерял способность говорить, был комиссован, долго лечился, но безуспешно. Жена выгнала его из дома, объясняя свое решение необходимостью кормить семью, а он стал иждивенцем, обузой для семьи. Спустя какое-то время ему посоветовали обратиться к начальнику краснодарского госпиталя, специалисту по лечению подобных заболеваний. В течение нескольких недель Василий добивался встречи с начальником госпиталя. Наконец она состоялась. На счастье Василия, начальник госпиталя согласился лечить его и вылечил.

Но судьба уготовила ему очередное испытание. Он похитил на заводе ящик сливочного масла. Суд справедливо наказал его тюремным заключением и лишением всех государственных наград. Отбыв наказание, Василий работал печником. О его мастерстве узнали не только на хуторе, но и в станице Усть-Лабинской. Его стали приглашать ставить печи, платили хорошие деньги. Он женился на женщине с ребенком, которого усыновил. В восьмидесятые годы с моей помощью дяде Василию вернули боевые награды, он стал пользоваться льготами инвалида Великой Отечественной войны.

Моя мама Акелина (Лена) Ильинична Вдовина (Зотова) родилась 1 июня 1915 года в Калужской области Износковского района в деревне Орлица, в крестьянской семье и до 1930

года жила с родителями. Ее отец Илья Зотов был назначен в 1928 году в соседнем селе церковным старостой, за это его раскулачили и сослали в Сибирь в 1930 году. Мои дедушка с бабушкой поехали в Сибирь, а мама – в Москву, к сестре, муж которой был первоклассным портным. Когда мама только приехала, он попросил ее сшить за него несложный заказ. А когда посмотрел готовое изделие, то удивился аккуратности шва, правильной строчке, и спросил: «А сможешь обработать прорезной карман пальто?» – «Смогу», – ответила она.

Она выполнила его просьбу. Пошить прорезной карман способна только опытная швея. На следующий день он отвел маму в отдел кадров фабрики «Большевичка», где начальник цеха устроил ей небольшой экзамен и сразу зачислил ее в штаты швейной фабрики. В этот же день она приступила к работе.

В 1933 году маму направили по комсомольской путевке на строительство метро – Сокольнической линии. Строительство шло открытым способом, днем и ночью. Для девушки – это тяжелый физический труд, но крестьянская закалка и молодость выручали ее.

Мама была красивой, миниатюрной девушкой, и за ней стал ухаживать секретарь комсомола Сокольнической линии метрополитена. С его помощью ей выделили койко-место в комнате барака на станции Лось. В комнате жили еще три девушки.

Метростроевцы и спустя годы не забывали о ней, приглашали на праздники, вручали подарки, цветы, иногда писали о маме в газете «Московский метростроевец».

В бараке она познакомилась с моим отцом, который проявил максимум настойчивости, ухаживая за ней.

В 1935 году они сходили на станции Лось в ЗАГС и стали жить единой семьей. В 1936 году родилась моя сестра Нина, потом, в 1939 году – Маргарита, а в октябре 1941 года родился я. Были и другие дети, но они умирали в младенчестве по разным причинам. Москва ждала прихода немцев, готовила ополченцев для отпора врагу.

На семейном совете было принято решение, что мама с детьми отправится на Кубань к родственникам отца. Она взяла детей и ножную швейную машинку «Зингер», села в поезд и под бомбежками добралась до Краснодара. Ночью ей нужно было пересест на местный поезд для того, чтобы приехать на станцию Усть-Лабинская. С большими трудностями ей удалось разыскать в багажном вагоне швейную машинку, непостижимым образом закомпостировать билет и сесть в вагон поезда, отправляющегося в сторону Усть-Лабы. С большими переживаниями мы добрались до хутора Александровский.

Многочисленная родня отца не смогла принять четырех иждивенцев. Над мамой сжалась совсем незнакомая женщина, тетя Настя, у нее самой было двое детей, а муж воевал на фронте.

Председатель колхоза друг детства отца и комсомолец Усть-Лабинской организации, о которой я уже говорил, с большими трудностями определил маму в колхозную бригаду и дал комнату в управлении колхоза. Дело в том, что все бригады были женскими и у всех имелись дети, а мужья воевали на фронте. Каждый трудодень подсчитывали, и отрывать его от своей семьи ни одна женщина не хотела. Председатель помог с трудоустройством мамы в овощеводческую бригаду, и это спасло нас.

Спустя какое-то время женщины колхоза узнали, что мама хорошая портниха и может сшить любую вещь женского гардероба. Она без устали работала и в бригаде, и на дому портнихой.

В это время немецкие войска начали стремительное наступление на Кавказ. Красная Армия сдавала позиции, и мы оказались на оккупированной территории. Перед приходом немцев председатель колхоза разрешил забрать в личное пользование членам колхоза несданное государству сельхозпродукты. Мама сумела принести несколько мешков кукурузных початков, из которых готовила мамалыгу.

Немецкое командование не стало разрушать колхозы на Кубани, во главе их поставили немцев из жителей Северного Кавказа, бывших граждан СССР. В хуторе командовали немцы Федор Иванович и Иван Иванович. Нашу семью они выселили из правления, и нас вновь приютила тетя Настя.

Жалоб на правление двух управляющих немцев, мародерства с их стороны не было. Они уехали с отступавшими немцами.

Хуторяне любили слушать мамины рассказы о достопримечательностях Москвы. Особенно о трамваях, метро и эскалаторе, зоопарке. Обращались к маме и старый и малый очень своеобразно: «Тетка москвичка, расскажи о Москве». Они не всегда ей верили, потому что не могли себе представить движущуюся лестницу вверх с людьми, не видели многих диких животных, электричества. Никто из них никогда не был в Москве, и всем хотелось хотя бы мысленно побывать в рассказах «тетки москвички».

В конце войны возобновили пассажирское движение в столицу, получила от властей разрешение на въезд в Москву и наша семья. Это было зимой 1944 года. Мост через реку Кубань был разрушен, и отец трижды, с каждым ребенком на руках и швейной машинкой, переходил по висячему мосту через реку. Такие рискованные переходы требовали не только смелости, мужества, но и ловкости, настойчивости, чего у отца было в избытке.

С различными приключениями в общем вагоне семья добралась до Москвы, а затем и до нашего барака.

До 1948 года мама занималась домашним хозяйством и воспитанием детей, а потом стала работать стрелочницей на Московской железной дороге на станции Лосиноостровская. Здесь она проработала до 1961 года. Работа на железнодорожном узле – интенсивная и очень напряженная, и, конечно, опасная. Достаточно сказать, что в ее бригаде погибло несколько стрелочниц. На здоровье мамы сказался и неблагоприятный поступок начальства железной дороги. В 1955 году подошла очередь на получение квартиры. Наша семья должна была въехать в двухкомнатную квартиру в новом доме, выписали же нам ордер только на комнату в двухэтажном деревянном доме барачного типа. У мамы начался диабет, и она стала работать швеей в производственном комбинате «Стройторгснаба» по месту жительства.

Мама ушла из жизни девятого августа 2005 года. Лицо мамы запомнилось мне молодым, красивым и светлым. В старости ее внешность говорила о возрасте, а глаза по-прежнему блистали живым огнем. После смерти отца она жила одна в однокомнатной квартире. До смерти обслуживала себя сама. Не жаловалась ни на жизнь, ни на житейские обстоятельства. Я никогда не видел ее без дела. Она что-то вязала, шила, стирала, штопала, мыла. Не сидела у дома на скамейке. До последних лет ходила в церковь и там всегда стоя слушала молебны. Благодаря телевизору была в курсе международной и внутренней политики. Много читала, особенно книги, которые приносил я. Зная ее интерес к определенным темам, я приносил ей именно такие книги и, хотя она уже не могла их пересказать, всегда говорила, что содержание книги ей понравилось.

У второй сестры мамы – Елены – к началу войны было пятеро детей, муж работал лесником, и семья жила там же, в лесничестве. В лесах их района действовали советские партизаны, доставлявшие фашистам много беспокойства. Немцы решили привлечь к борьбе с партизанами Ивана, мужа тети Елены. В октябре 1941 года немецкий отряд подошел к дому лесника, семья в это время завтракала. Вдруг в окно увидели немцев. Иван быстро попрощался с семьей, надел лыжи и дворами ушел к партизанам. Офицер немецкого отряда увидел свежие следы от лыж, отдал команду сжечь дом лесника, и тетя Елена осталась с детьми на улице, ей удалось из горящего дома вытащить перину, одежду, железное корыто, санки и кастрюлю. Ей пришлось идти в ближайшую деревню, но деревню немцы сожгли. Пришлось погорельцам идти в другую деревню, а потом в третью, четвертую, пока не оказались у партизан. Во время переходов питались корой – оказывается, кора содержит много питательных веществ, и это спасало голод-

ную семью. Дважды их обстреливали немецкие самолеты, но однажды над ними несколько раз пролетал самолет, а на третий облет немецкий летчик, улыбаясь, сбросил ящик и помахал им приветливо рукой в кожаной перчатке. Его улыбка ободрила ребят, моих двоюродных братьев Владимира и Николая, и они разбили деревянный ящик, увидели в нем яблоки, шоколад, конфеты, булочки...

Лось – моя малая родина

Родился я в семье железнодорожных рабочих 13 октября 1941 года в родильном доме на станции Лось Северной железной дороги, которая находилась в ближайшем Подмосковье, в тринадцати километрах от Москвы. С шестидесятых годов XX столетия поселок Лось стал частью Москвы.

Ярославское шоссе и Северная железная дорога делили поселок Лось на три части. Справа от Ярославского шоссе располагались дома Метростроя – городок имени Ворошилова, которые примыкали к Лосиноостровскому лесу, где в прошлом любили охотиться русские цари. В настоящее время это лесопарковая зона. Слева от шоссе до железной дороги тянулись бараки – одноэтажные, без удобств, и двухэтажные, с кухней и примитивным туалетом на две семьи, который в суровые зимы замерзал.

За железной дорогой стелились огромные болота, а за ними санаторий «Светлана», частные дома и два пруда – место это называлось Джамгаровкой. В дореволюционное время этой территорией владели братья Джамгаровы.

В городке Лось находились поликлиника, родильный дом, две средние школы и одна школа с четырехклассным и вечерним образованием, детский сад, Дом пионеров с кинозалом, игротеккой для дошкольников, сетью бесплатных кружков самодеятельности, огромной библиотекой детской художественной литературы с читальным залом.

Поражала детское воображение игротека. Три большие комнаты с огромными окнами и живописными картинами прямо на стенах. Одна картина изображала персонаж из рассказа Горького «Старуха Изергиль» – Данко, вынувшего свое сердце для освещения пути людям в глухом ночном лесу. Записываться в игротеку не требовалось, приходи, садись за стол или становись в круг и делай то, что делают остальные дети под руководством воспитателя.

Для школьников в Доме пионеров читали различные патриотические лекции, организовывали встречи с писателями с обсуждением их произведений. Хорошо помню известных писателей, которых приглашали в то время: А. Твардовского, Н. Тихонова, П. Антокольского, К. Симонова, Л. Леонова и многих других.

В городке была двухэтажная баня с парилками в женском и мужском отделениях. В ней, помимо общих моечных отделений, имелись отдельные душевые кабины. А гордостью являлись парилки, потому что топились они только дровами. Знатоки и ценители пара приезжали париться со всего Подмосковья. Рядом с баней стояла пивная, которую любили посещать попавшиеся граждане, чтобы выпить кружку пива, сто граммов водки и закусить бутербродами с черной и красной икрой. Были и другие закуски: вяленая рыба, бутерброды с сыром, селедкой, но в памяти остались именно черная и красная икра. На полках красиво стояли пирамиды из консервных банок крабов, кильки в томате и т. п. Снаружи пивная была окрашена голубой краской, и, наверное, поэтому ее ласково называли «Голубой Дунай».

Одной из замечательных достопримечательностей была река Ичка. Назвать ее рекой можно с большой натяжкой, так как ширина ее всего два-три метра, а глубина не превышает метра, но в местах запруды было почти два. На запруде мы пропадали все свободное летнее время. По речке плавали домашние утки, гуси, в которых я бросал камни, иногда попадал в них, и за это хозяева ловили меня и топили в Ичке. Видимо, поэтому я научился плавать, уже будучи взрослым.

В городке был стадион с одной невысокой деревянной трибуной. На нем проводились по воскресным дням футбольные матчи, во время которых разносились по округе свист, крики, женский визг и возгласы: «Судью на мыло!» На территории стадиона стояла парашютная вышка. С нее прыгали на привязанном парашюте мужчины, демонстрируя свою смелость. Каждый прыжок сопровождался гулом одобрения.

На весь городок было два магазина. Один – продовольственный, в другом продавали не только продукты, но и промышленные товары. Располагались магазины в районе Ярославского шоссе. Была еще палатка со скобяными изделиями, в ней продавали керосин, лаки, краски и др.

Жители городка любили проводить вечера на Ярославском шоссе. Это сейчас покажется странным, но в дни моего детства Ярославское шоссе было вымощено булыжниками, а потом его постоянно расширяли и покрывали асфальтом. Вечером очень редко ездили автомобили, и шоссе становилось «Бродвеем», так как освещалось электрическими фонарями, на нем танцевали, пели песни, частушки и гуляли парочки влюбленных, слушали музыку в исполнении местных баянистов, аккордеонистов и общесоюзного радио.

До 1956 года наша семья жила в одноэтажном деревянном бараке № 11 в двенадцатиметровой комнате № 12. Слева, у входа в комнату, стояла кирпичная печь для отопления комнаты и приготовления пищи. Далее стояла двуспальная железная кровать родителей, покрытая вязанным мамой покрывалом, на нем лежали четыре подушки, тоже покрытые вязанными накидками. Снизу под покрывалом виднелась кайма вязанного крючком подзора. Все вязаные вещи были белоснежного цвета. За кроватью стоял диван, на котором спал я. Справа от входа висел умывальник с помойным ведром внизу, которое ночью использовали в качестве туалета. Здесь же вешалки для полушубков, пальто и другой верхней одежды. В этом же месте располагался лаз в погреб, закрытый деревянной крышкой. В нем хранились овощи, бочка с солевой капустой. Прикрывалась эта часть нашего помещения с одной стороны ситцевой занавеской, а с другой – самодельным шкафом и, конечно, стенами комнаты. Сверху над шкафом был настил, там ночевали мои сестры, и назывался он полати.

На расстоянии полутора метров от шкафа стоял квадратный, сколоченный отцом, стол, верно служивший нам для трапезы и для учебы. Около окна – ножная швейная машинка «Зингер», ее родители называли кормилицей. На ней мы с сестрами тоже готовили уроки, а мама шила одежду, простыни, наволочки и т. п. По выходным дням родители по очереди шили рабочие рукавицы из заготовок и сдавали готовый товар в Райпотребсоюз.

Единственным украшением в комнате была глиняная ваза в форме человеческой головы. Мужское лицо, расплывшееся в доброй улыбке. Розовые щеки, красные губы, высокий лоб, выразительные смеющиеся глаза и красивые уши вызывали у тех, кто смотрел на вазу, ответную улыбку. Называли вазу мордан, она была изготовлена в Германии. Мама получила ее в качестве приданого вместе с периной, швейной машинкой «Зингер» и другими вещами.

В комнате всегда было чисто и прибрано, если вдруг что-то лежало не на месте, то родители делали замечание и требовали наведения порядка.

Посередине комнаты на стене висел репродуктор Всесоюзного радио, его выключали только на ночь, и поэтому все члены семьи были в курсе событий, как в мире, так и внутри страны. Кроме того, по радио шли научные и детские передачи: сказки, литературные чтения для детей и взрослых, передачи для юношества, концерты, оперы и оперетты, стихи. Вся хроника жизни советской страны становилась известна нам, прежде всего из радиопередач. Передачи газет «Правда», «Известия», «Гудок» передавали по радио и по несколько раз в день.

Я родился третьим ребенком в семье. Кроме меня были две сестры – Нина и Маргарита.

Мое детство прошло в этой комнате, в коридоре барака, игротке, в спортивных баталиях вокруг барака и в походах в лес или на речку Ичку. Моей любимой и единственной игрушкой был деревянный мушкет, стрелявший вишневыми косточками. Я испытал настоящее человеческое горе, когда сломался мушкет, а потом и пропал вовсе.

Зимой мне часто приходилось оставаться одному. В такие минуты я любил сидеть у окна и любовался падающими с неба крупными хлопьями снега. Если налетал внезапно порывистый ветер, он разгонял любимые мною хлопья. На улице и в комнате становилось светло и почему-то легко на душе. А спустя какое-то время опять неистовый порыв ветра пригонял огромную черную тучу, и вновь становилось темно и тревожно на улице и почему-то в комнате.

На улице я был шустрым ребенком. Активно играл в чижик, городки, прятки, казаки-разбойники и лапту. Среди барakov устраивались соревнования по лапте, причем в командах были и взрослые, и дети.

В 1946 году наш сосед по коридору Валентин Терехов поступил в институт, ему было положено ходить в форме с красочными золотыми позументами, мы им гордились, так как он был единственным студентом на все сорок барakov нашего городка. Валентин Терехов спустя годы стал светилом советской науки, доктором технических наук. А тогда он научил пацанов нашего коридора игре в шахматы. В дождливую погоду мы играли в шахматы, но в хорошую погоду самозабвенно играли в футбол или другие игры. Ребята нашего барака благодарны Валентину, а я особенно, так как с шахматами иду по жизни, и люблю эту игру по сей день. За прожитые годы я собрал шахматную библиотеку, в ней есть книги чемпионов мира: А.А. Алехина, М.М. Ботвинника, А.Е. Карпова (с автографом автора), Т.В. Петросяна и других известных гроссмейстеров, всего сорок книг (все мною проштудированы).

Вторично во мне пробудил любовь к шахматам в Ленинградском зенитном артиллерийском военном училище сокурсник-перворазрядник Гордеев, который демонстрировал развитие событий на шахматной доске на пять-семь ходов вперед, это было необычно и очень интересно. Норму первого разряда я выполнил, будучи преподавателем Высшей школы КГБ.

В детстве отец научил играть в шашки, но только в зрелом возрасте я понял красоту этой игры.

Эмоциональное и духовное воспитание в жизни я получил от родителей. Они много работали, но всегда находили время почитать мне и сестрам сказки. Книги в доме всегда покупались и читались.

Мое трудовое воспитание в семье выражалось в том, что я обязан был ежедневно готовить пучок лучин из полена для растопки печки. Лучины иногда зажигали как осветительный прибор, если вдруг отключали электричество и догорела стеариновая свеча или кончился керосин в лампе и копилке.

Чтобы подогреть еду, мы пользовались керосинкой.

После отмены карточной системы и появления денег мне давали поручение купить хлеб, керосин и другие товары.

В бараке было много детей. Нам некогда было скучать, жили шумно и весело. Мы не осознавали, что живем бедно и голодно, – тогда все так жили.

Хорошо отобразил детство нашего поколения и жизнь В. Высоцкий:

...Все жили вровень, скромно так, —
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток —
Всего одна уборная.

У нас на сорок один барак одна уборная.

Всех жильцов барakov донимало соседство крыс и клопов, которых ничем не удавалось вытравить. Замученные люди крысоловками ловили крыс и расправлялись с вредителями с вполне понятной жестокостью.

Яркие воспоминания остались от 1947 года. Отменили в стране карточную систему. В семье появились деньги, на которые покупали одежду и продукты. Запомнился деликатес – маринованная капуста провансаль. Никто в семье до этого не пробовал ее, всем пришлось по вкусу капуста, виноград, яблоки, брусника, клюква, морковь, как сейчас говорят, всё «в одном флаконе». Продавали ее в огромных деревянных бочках, капуста была крупно порезана, кубиками, а также четвертинками от кочана.

В этом же году я впервые попробовал мороженое и газированную воду с сиропом. Незабываемые впечатления остались от праздника Новый год. Отец вешал на елку мандарины, издававшие специфичный запах и имевшие необычный вкус. Все это было в диковинку.

Не забыт мною и вкус тюри. Готовили ее просто: в тарелку наливали питьевую воду, добавляли немного соли, половину чайной ложки подсолнечного масла, столько же уксуса, крошили кусок черного хлеба, и тюря готова. Ели с наслаждением.

В бараке активно обсуждали слухи, что ожидается снижение цен на продовольственные товары. Поскольку жили очень бедно, слухам верили и не верили, но с нетерпением и надеждой ждали. Наконец 1 марта вечером по радио было объявление. Вся семья сидела за обеденным столом, в полной тишине ждали сообщения. Торжественный голос Левитана объявил о решении партии и правительства понизить цены на продовольственные и промышленные товары. Мы внимательно слушали, с комментариями и возгласами одобрения. Шесть лет подряд происходили поэтапные снижения цен.

Отец мог работать на тракторе, и поэтому его послали в числе пятнадцати тысяч от Северной железной дороги на уборку урожая в Луховицкий район. Он возглавил бригаду вдов, имеющих по два-три ребенка. Отец принял решение – выделить каждой женщине в личное пользование по две борозды свеклы, моркови, картофеля, турнепса, капусты, и тем самым заинтересовал женщин работать на пределе сил. В кратчайший срок урожай овощей собрали и сдали государству и в семейные закрома женщин. Об этом написала районная газета Луховицкого района. Один экземпляр газеты долго хранился в нашей семье. И отца, как победителя социалистического соревнования, наградили грамотой и овощами: картошкой, свеклой, морковью, капустой, турнепсом. Впервые после войны мы забыли чувство голода.

До поступления в школу я любил ездить по воскресным дням в гости к крестной. Она жила в Москве в Конюшковском переулке, рядом с зоопарком и стадионом «Метрострой», в коммунальной квартире на втором этаже, в девятиметровой комнате с дочкой Валей. Крестная тетя Груша, сестра моей мамы, работала швеей на фабрике «Большевичка».

Я садился в электричку на станции Лось, доезжал до Ярославского вокзала, шел по шумной и людной Комсомольской площади, до ее центра, садился на трамвай «Букашка» (так назывался трамвай «Б»), добирался до зоопарка и уже пешком до дома крестной.

В электричках первый и последний вагоны были детскими. Их украшали картинками из сказок, гирляндами, лозунгами. В вагоне было красочно и весело от детского шума и гвалта. Иногда детей привлекали к самостоятельности, просили наиболее бойких прочитать стихи или спеть детские песни. Проводница звонким голосом объявляла остановки. Поскольку время было послевоенное, по вагонам ходили инвалиды Отечественной войны, кто без рук, некоторые без обеих ног – на самодельных колясках. Они пели жалобные песни; глубокие, еще непонятные чувства одолевали меня, сердце мое разрывалось от этих песен, выступали слезы, иногда плакал навзрыд.

В трамвае люди редко молчали, активно обсуждали международную или внутривойсковую обстановку. И все прослушанное по радио дома вдруг принимало какое-то новое осмысление, и, уже подготовленный публикой, я уверенно обсуждал трамвайные разговоры с крестной. Тетя Груша поддерживала разговор, мое взросление. В мои приезды она показывала свои медали «За оборону Москвы» и «За доблестный труд». Я любил их рассматривать.

Вопрос крещения для будущего чекиста принципиальный, тем более в семье первого комсомольца на Кубани. Крестили меня в шесть лет, батюшка отрезал маленький пучок волос, помазал лоб, щеки, но в купель меня не опускали, окропили водой. Но в памяти четко остались воспоминания какой-то значимости происшедшего, описать его я не могу, это глубокое внутреннее чувство. Дома факт крещения не обсуждался. Моя материнская, как называют англичане, церковь, в которой меня крестили, расположена около Ярославского шоссе между Лосью и Лосиноостровской, рядом со стадионом «Локомотив». Церковь действует и сейчас.

1948 год остался в памяти сытым годом. Высшим шиком в это время считалась возможность выйти на улицу с куском черного или белого хлеба, намазанного сливочным маслом и посыпанного сахарным песком.

Существовал детский уличный закон – если ты вышел с куском вкуснятины, а все было вкусно по своему существу, и сказал условную фразу: «двадцать один, ем один», и тогда ты имеешь право есть спокойно. Но если ты замешкался, то слышал фразу: «сорок два – едим два», тогда твою вкуснятину ела вся ватага пацанов. Таков закон улицы.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В СССР В 1946 ГОДУ

Совет народных комиссаров преобразован в Совет министров. Началась «холодная война». Рабоче-Крестьянская Красная армия стала называться Советской Армией. На вооружение Советской Армии поступили реактивные самолеты МиГ-9, Як-15. Маршал Г.К. Жуков назначен, с понижением, командующим Одесским военным округом. Создан НИИ ядерной физики.

Массовый голод в стране.

Завершился Нюрнбергский процесс по делам главных военных преступников. Репатрировано из Европы 1 млн 866 тыс. бывших советских военнопленных и 3 млн 500 тысяч гражданских лиц.

Восстановление городов, сельского хозяйства. Введен в строй газопровод «Саратов-Москва». Образована академия общественных наук при ЦК КПСС.

Изменили Родине в Швеции Грановский Анатолий – сотрудник ПУ МГБ и Скрипкин Владимир Александрович – сотрудник ГРУ в Японии.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В СССР В 1947 ГОДУ

Денежная реформа и отмена карточек на продовольственные и промышленные товары. Государственный заем на двадцать лет; в бараках стоял женский плач и вой, но отказников не было. Отмена смертной казни. Создание первой баллистической ракеты. Образовано Информбюро.

Научные открытия мирового значения: В.М. Амбарцумяна и В.Г. Фесенкова. Первый синхротрон. Снижение цен на продовольственные товары.

Изменили Родине Фут Александр Аллан – агент ГРУ в Англии и Бакланов Борис Иванович – сотрудник ПУ МГБ в Австрии.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ В СССР В 1948 ГОДУ

Разгром генетики. Государственный заем средств у населения – на двадцать лет. Закончилась демобилизация из армии и флота (1945–1948). Сокращение армии до 2 млн 874 тыс. человек.

Указ Президиума ВС СССР: все спецпереселенцы остаются на вечном поселении в районах, куда были высланы, без права возврата на прежние места жительства.

Кризис в советско-югославских отношениях.

Научные открытия мирового значения: Э.Л. Андроникашвили, А.И. Ахиезера и И.Я. Померанчука, А.С. Давыдова.

Разработка «Сталинского плана преобразования природы», активное участие в лесопосадках принимали и жители барачников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.